

Майя Ставитская

Синдром Самозванца

Алексей Макушинский. Димитрий. *Freedom Letters*,
Баден-Баден, 2023, 386 с. ISBN: 978-1-998-084838

*Кровь рекою льём, да поклоны бьём,
И кричим, что платим полной мерой
За виток петли, да за горсть земли,
И за совесть, и за страх.
Александр Иванов «На одной земле»*

Читая новый роман Алексея Макушинского, выпедший в издательстве *Freedom Letters*, я то и дело ловила себя на мысли, что в некотором смысле ему уготована судьба «Доктора Живаго». Сейчас не о Нобелевской премии (которой не пожалела бы для автора, будь я Нобелевским комитетом), но о неминуемом читательском вопросе: «А что крамольного? Почему тамиздат?». Возможных ответов два: «Абсолютно ничего» и «Всё». Двойственность характеристик, обязанных стать взаимоисключающими, которые странным образом уживаются, дополняют друг друга, создают оксюморонное единство, распротраняется на роман в целом.

«Димитрий» соткан из противоречий: высокая драма и водевиль, интеллектуальная проза и сериальные страсти, стилистическая изысканность и бормотание юродивого, глубочайшие историко-литературные исследования и ёрничество ненадёжного рассказчика. И главное — фигура повествователя. Постмодернистский приём cameo, когда автор присутствует в тексте в роли второстепенного персонажа, который рассказывает какую-то свою историю, — одна из особенностей прозы Макушинского. После несколько приглушённого звучания в «Одном человеке» он возвращается к этому методу с пылом вновь обрётённой любви. Столь усердно отстраняя «зануду-Макушинского» от героя-рассказчика, что невольно просится

вывод о тождественности. Неверный, как всё в этом романе (ну или почти всё).

Драматург сочиняет пьесу о человеке, вошедшем в историю под именем Лжедмитрия, которую ставит маленький театр-студия в 1991 году. Роль Самозванца играет он сам. Не драматург, но Димитрий. Что? Маленький царевич, зарезанный в Угличе в 1591 году и вернувшийся спустя четырнадцать лет претендовать на отцовский трон? Именно! Преодоление порога восприятия в части этого допущения, пожалуй, главная сложность, с которой сталкивается читатель. Предлагаю принять как данность, до поры отложив осмысление. У современного читателя продвинутого уровня опыт подобного совмещения тренирован котом Шрёдингера. Или Святой Троицей — кому что ближе.

С остальным проще: действие разворачивается в привычном для автора пространстве нескольких временных страт. Есть день сегодняшней, в котором рассказчик, в высшей степени ненадёжный, представляющийся некоей собеседнице востребованным актёром, широко известным в кругу поклонников сериалов «России-1», повествует о начале своего творческого пути, пришедшемся на конец восьмидесятых. А также о событиях рубежа XVI–XVII веков, в которых участвовал как Димитрий Иоаннович. Первое представляется гипотетически возможным, второе, по объективным причинам, — совершенно нереальным, но выглядит более ярким и живым, чем история из девяностых XX века и бесплотнo-целлулоидная современность.

История Димитрия превращается в романе в повествование совершенно в духе Дюма-отца. По версии рассказчика, царевич спасён и тайно вывезен за границу воспитателем влахом Симоном, человеком большой учёности, который пестует маленького царевича как лучший из возможных менторов, обучает его сначала самостоятельно, затем в арианских школах в Ракове и в Гоце, придав в товарищи Эрика, побочного сына шведского короля Густава. Симон, великого ума человек, лелеял надежду образовать объединённое российско-шведское государство под рукой просвещённого властителю, каким растил Димитрия. Утопические, в духе «Он мечтал, закусив удила, свезь Америку и Россию» Вознесенского и системы эстернатов

из акунинского «Азазеля», планы оборвались внезапной смертью наставника. Дальнейшее: встреча с Мнишеком, победоносный поход на Новгород, признание сына Марией Нагой и вся блистательно-печальная эпопея — рассказано в манере, исповедальность которой не мешает Димитрию выказывать редкую осведомлённость в трудах историков и литераторов, в разное время интерпретировавших его личность.

Второй временной пласт, основное действие книги, приходится на закат советской эпохи с круговертью сменявшихся друг друга правителей, от которой, при некоторой сноровке, можно провести параллель к Смутному времени. Впрочем, рассказчик далёк от политики и перестроечных настроений, всколыхнувших шестую часть суши. Узкий и достаточно закрытый кружок театралов изначально во внутренней эмиграции, что не мешает его членам пользоваться привилегиями советской номенклатуры. Этих пределов ветры перемен не достигают. Представители старшего поколения — режиссёр Сергей Сергеевич и прима Мария Львовна (Мария Нагая в спектакле), в которую влюблена вся мужская часть студии; вторая женская фигура — ледяная красавица Марина (Марина Мнишек). Парни, великовозрастные оболтусы-интеллектуалы. Позже к коллективу присоединяется Ксения (Ксения Годунова). С ней у героя-рассказчика вспыхивает роман, она единственная всерьёз интересуется политикой, верит в возможность обновлённой России и скоро прискучивает ему энтузиазмом неофитки.

Тема предательства при участии человека старше и опытнее, когда для одного участника отношений происходящее — часть занятой игры, для другого — маленькая смерть (не в значении французской идиомы), переплетается с изменой себе, тому лучшему и цельному, что ты мог бы увидеть в себе сегодняшнем. «Димитрием» Макушинский продолжает тему герменевтического романа, основную в своём творчестве. Это снова книга об истолковании событий: вот таким всё кажется в начале, так корректируется в свете дополнительно открывшегося, таким оказывается в итоге, и вряд ли это последнее — окончательная истина. Роман чарует не заёмной у Гугла эрудицией и увлекает стилистической избыточностью.

Проблематика и структурные приёмы XXI века соединяются в нём с языком и стилем, характерным скорее для прозы конца века XIX. История перетекает в жизнь, жизнь становится историей, и всё это невыносимо грустно, но только это и остаётся, когда всё заканчивается.

Чтение, не рассчитанное на широкий круг, но ценителей одарит незабываемым спектром ощущений.